

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

УДК 167.7

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ В ВОЕННОЙ СФЕРЕ: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В.А. Нехамкин*

*ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (научно-исследовательский университет)», г. Москва, Россия
E-mail: nechamkin@rambler.ru*

***Аннотация:** в работе с философских позиций рассматривается прогнозирование в военной сфере. Выделяются три уровня подобного прогнозирования: до боевых действий; во время войны; после войны. Рассматриваются формы проявления и методы военного прогнозирования на каждом из уровней. Показана взаимосвязь данных уровней в теории и практике.*

***Ключевые слова:** война, прогнозирование, военное прогнозирование, методы прогнозирования, уровни прогнозирования в военной сфере*

Войны – постоянный спутник истории человечества. Как отмечает В.Н. Лобов, на конец XX в. их было около 15 тыс. [Цит. по: 5, с. 17]. Ряд вооруженных конфликтов прошел и в XXI в. Поэтому войны – важный элемент жизни людей, а мир без них пока невозможен [2, с. 6] ни раньше, ни теперь.

В настоящее время прогнозирование в военной сфере накопило значительный эмпирический и теоретический материал, который нуждается в определенной оценке, классификации.

Нас в работе интересует вопрос: как возможно (и возможно ли вообще) прогнозирование на войне? Ведь в ходе противостояния сталкиваются большие массы людей, результат противодействия которых кажется непредсказуемым. На указанный вопрос отвечали различным образом. Так, древнекитайский полководец Сунь-цзы (544–496 гг. до н.э.) утверждал: «Качество, которое обеспечивает просвещенному государю и хорошему полководцу возможность вести военные действия и побеждать, – это способность предвидения» [Цит. по: 4, с. 203–204]. Эта идея оказалась в Китае популярной. Даже в XVII в. Цзе Сюань писал: «Нужно предвидеть все трудности и опасности, которые могут возникнуть на войне» [15, с. 58]. Он

**НЕХАМКИН Валерий Аркадьевич* – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана».

классифицировал потенциальные проблемы, предлагал полководцам иметь «резервные» варианты действий на случай таких обстоятельств.

В Европе существовало противоположное мнение. На войне главную роль играет случай. Его озвучивали известные полководцы. Так, Гай Юлий Цезарь, утверждал: «Судьба, столь могущественная в человеческих делах, особенно же на войне, часто производит громадные перемены благодаря незначительным случайностям» [14, с. 66].

Подобного мнения позднее придерживался и английский военачальник А. Веллингтон. Когда накануне битвы при Ватерлоо (июнь 1815 г.) подчиненный спросил полководца о планах армии на завтра, то получил ответ: «Бонапарт не дал мне никакой подсказки относительно своих действий; а поскольку мои планы зависят от его планов, то вряд ли я смогу вам что-либо сказать о своих планах» [Цит. по: 4, с. 11]. Удивительно, но и сам Наполеон тоже часто придерживался того же мнения, что и Веллингтон. Известно его высказывание: «Ввяжемся в бой, а там посмотрим».

Однако на самом деле прогнозирование, расчеты присутствуют у любого полководца. Сражения (а тем более военные кампании) планируются. Этим заняты не только отдельные военачальники, но и штабы разного уровня, включая Генеральный штаб вооруженных сил данной страны. Не случайно он, как правило, руководит органами военной разведки, ибо ставит им задачи. Генштабом составляются перспективные планы боевых действий в различных районах страны, где прогнозы играют значительную роль. В частности, осенью 1941 г. переброска на Центральный фронт с Дальнего Востока значительных воинских контингентов стала возможна после того, как органы Разведуправления РККА подтвердили изменение планов Японии по нанесению удара в Юго-Восточной Азии. Причем игнорирование неблагоприятных прогнозов (как показала ситуация апреля–июня 1941 г.), касавшихся нападения Германии на СССР, политическим руководством дорого обошлась государству, РККА.

Конечно, здесь тоже возможны ошибки. Штабы разного уровня часто абсолютизируют предшествующий (особенно успешный) опыт своей армии, игнорируя инновации (крайне динамичные в военном деле). Отсюда возникает афоризм: «Любой Генеральный штаб всегда готов к прошедшей войне». Впрочем, это обстоятельство не отменяет планирование боевых действий со стороны различных штабов.

Военные прогнозы делаются не только стратегически, но и перед конкретными сражениями, то есть на уровне тактики. Скажем, накануне битвы на Куликовом поле (1380 г.) командовавший московской ратью князь Дмитрий (названный после победы Донским) приказал уничтожить стоявшие за войсками мосты через реку. Тем самым, предвидя колебания некоторых воинов, отсекал для них возможность отступления. Значит, предвидение

динамики конкретного военного эпизода должно включать учет ментальности войск, их боевого духа, а не только материальных факторов (соотношение сил сторон, выгодность их расположения на местности и т.д.).

Данное сражение показывает еще один аспект военного прогнозирования. Победа московских сил и их союзников оказалась важной в стратегическом плане (привела к окончательному освобождению Руси от вассальной зависимости от Золотой Орды в 1480 г.), а в тактическом плане – менее полезной. Набег сил Мамаю был отбит, но потери оказались слишком серьезными. Новый удар войск хана Тохтамыша в 1382 г. привел к восстановлению зависимости от Орды, гибели многих людей, разорению городов, включая Москву. Поэтому военное прогнозирование имеет как стратегический (рассчитанный на длительную перспективу), так и тактический (краткосрочный) аспект. Прогнозы во временном аспекте делятся на кратко-, средне-, долгосрочные.

В ходе боевых действий случаются и ситуации, когда неблагоприятный прогноз мешал войскам нанести удар первыми. Полководцы настолько боялись потерь при отсутствии фактора внезапности, что не решались действовать. Отсюда случаи «стояния» войск друг против друга по несколько месяцев. Как, например, случилось в 1480 г. на реке Угре между силами крымского хана Ахмата и московскими войсками царя Ивана III. Сходная картина наблюдалась и в ходе подготовки к Курской битве в июле 1943 г. Руководство РККА и вермахта около трех месяцев (март–июнь) не решались нанести удар друг по другу. Хотя немцы, в отличие от хана Ахмата, отступившего без боя, предпочли нанести (пусть и неудачный) удар. Здесь можно вспомнить и Наполеона, который в 1804–1805 гг. столь долго ждал «благоприятной погоды» для форсирования французами Ла-Манша и атаки Британии, что получил в тылу новую коалицию противников. Так что прогнозы могут играть и тормозящую боевую активность роль.

Таким образом, прогнозирование – не только неизменный спутник любых боевых действий, оно часто прямо влияет на их ход, формы проведения и итог. Полководец же, который не проводит предварительных расчетов собственных действий, очень часто проигрывает.

Однако прогнозирование и его формы отличаются друг от друга на разных этапах военных действий. Поэтому, на наш взгляд, целесообразна их классификация. Здесь целесообразно выделить следующие этапы: 1) до-; 2) во время; 3) по завершении войны. В первом и втором случаях оно носит актуальный, в третьем – ретроспективный характер, который дает возможность извлекать из прошлого полезную в интересах настоящего информацию.

Рассмотрим прогнозирование **до начала боевых действий**, выделив его виды. Отметим его важный практический характер, не дающий

потенциальному противнику нанести внезапный удар по вооруженным силам.

1. Превентивные военно-политические прогнозы. К июню 1941 г. сосредоточение войск нацистской Германии и ее союзников на границе СССР стало фактом. Об этом, в частности, имелись донесения разведки разных уровней. Чтобы окончательно прояснить ситуацию, руководство СССР предприняло определенный дипломатический демарш, заявив (в специальном сообщении ТАСС 14 июня 1941 г.), что данная концентрация немцев не направлена против РККА, а имеет иные причины. Оно ориентировалось на внешнюю политику. Если бы А. Гитлер и нацистское руководство подтвердили бы мнение ТАСС, то они не смогли бы начать войну без сильных пропагандистских потерь. Ответа не последовало, и руководство СССР сделало соответствующие выводы. Однако подобный публичный прогноз оказал негативное влияние внутри страны: ряд офицеров РККА расслабились, понизили уровень дисциплины (стали на ночь оставлять подразделения; позволили отправить часть вооружений и боезапаса из частей на склады и полигоны и т.д.), что передалось и солдатам. За такое поведение пришлось трагически расплачиваться 22 июня 1941 г. Конечно, роль сообщения ТАСС в поражениях РККА часто преувеличивалась по политическим соображениям (особенно Н.С. Хрущевым в знаменитом докладе на XX съезде КПСС «О культуре личности И.В. Сталина и его последствиях» в 1956 г.). Некоторые военачальники в 1950-е гг. даже утверждали, что «...главная наша беда заключалась в роковом заблуждении Сталина» [3, с. 163], который не смог предвидеть возможность нападения врага в 1941 г.

Для нас же важно другое: превентивный военно-политический прогноз, став публичным, может изменить свою сущность и предназначение. На уровне глобальном он решил свою задачу (показал агрессивные намерения Германии), а на локальном (в РККА) имел и отрицательные последствия. Впрочем, винить в этом только руководство страны и лично И.В. Сталина неверно. Любой командир (вне зависимости от занимаемого поста и приказов вышестоящих начальников) должен был еще и сам предвидеть обстановку и делать из данного анализа соответствующие выводы. По мнению К.К. Рокоссовского, летом 1941 г. «совершенно иначе протекали бы события, если бы командование округа (Киевского Особого Военного – В.Н.) оказалось на высоте положения и предприняло своевременно соответствующие меры в пределах своих полномочий, проявляя к этому еще и собственную инициативу» [13, с. 54].

2. Планирование типа будущих боевых действий. Перед началом войны руководству страны, командующему крупными воинскими частями (в звене корпус – армия – фронт) надо понять главную вещь. Что делать – обороняться или наступать? Ответ на него предполагает предвидение, оценку

соотношения сил (своих и врага), особенности местности, где протекают бои и т.д. Если же такой ясности (покоящейся на определенном прогнозе) нет, то, скорее всего, вооруженные силы ждет поражение. Так, в апреле 1941 г. К.К. Рокоссовский стал командующим танковым корпусом в КОВО (Киевском особом военном округе), превратившимся с началом войны в Юго-Западный фронт. Однако даже к июню 1941 г. К.К. Рокоссовский «не мог разобраться, каков план действий наших войск в данной обстановке на случай нападения немцев. Судя по сосредоточению нашей авиации на передовых аэродромах и расположению складов центрального значения в прифронтной полосе, это походило на подготовку прыжка вперед, а расположение войск и мероприятия, проводимые в войсках, этому не соответствовали» [13, с. 32]. Не решив вопрос с планированием типа боевых действий (не только в КОВО), высшие штабы (включая Генеральный штаб РККА) обрекли РККА на поражение.

3. Прогноз хода боевых действий. Руководству страны и армии важно заранее предвидеть, как будут разворачиваться боевые действия. Если, например, они начнутся с ядерного удара противника, то надо предпринимать одни мероприятия по подготовке вооруженных сил. Если с применения серии обычных вооружений, то – иные. Как отмечает Г.К. Жуков, это вызвано тем, что «в современных условиях внезапные ракетно-ядерные удары могут причинить громаднейшие разрушения важнейшим жизненным центрам страны и нанести большие потери вооруженным силам и населению, что может серьезно отразиться на последующем ходе войны» [1, с. 16]. Поэтому военачальникам следует еще до начала войны продумывать целый ряд вопросов: например, о таком размещении войск, при котором в случае внезапных ракетно-ядерных ударов противника, они понесли бы наименьшие потери.

Укажем способы прогнозирования до начала боевых действий: 1) на базе предшествующего опыта военачальника; 2) разведка; 3) «военная игра». Рассмотрим их.

Как правило, полководец, командующий крупными воинскими соединениями (начиная с полка и выше) имеет информацию о собственных (в том числе ошибочных) действиях в прошлом, анализирует их и делает соответствующие выводы. Это позволяет ему предвидеть ходы противника. Бывает и так, что формальный начальник воинского коллектива такой способностью не обладает, а его подчиненный может прогнозировать на базе имеющегося опыта. Яркий пример – общение командира авиационного полка Исаева, предлагавшего направить на перехват врага количественно больше самолетов, и его командира эскадрильи А. Покрышкина:

«–Товарищ командир! <...> *Боевой опыт* показывает (курсив мой – В.Н.), что группа, имеющая больше восьми самолетов, становится неманевренной.

Из четырнадцати самолетов получится «рой», а не строй <...>. Надо группы делать из восьми самолетов.

– Товарищ Покрышкин, ваше дело – *слушать и записывать указания* старших начальников, а не *высказывать мнение* (курсив мой – В.Н.). Когда станете командиром полка, тогда и будете давать предложения. А сейчас не мешайте.

Отстаивать свое мнение было бесполезно. Исаев не любил советоваться с командирами эскадрилий» [12, с. 250]. Неслучайно уже через год после данной «дискуссии» А.И. Покрышкин действительно стал командиром полка, а позднее – авиационной дивизии, то есть занял место выше, чем его бывший начальник Исаев, не желавший делать прогнозы на базе опыта прошлого.

Значит, предшествующий опыт играет важную роль в прогнозировании характера боевых действий. Однако он константен, расчеты покоятся на аналогии. В то же время враг может менять свои действия, делать их скрытно. Отсюда необходима разведка, выступающая важнейшим средством предвидения замысла противника на любом этапе войны, но особенно востребованная до ее начала. О важности такого способа прогнозирования говорил еще древнекитайский полководец Сунь-цзы. Причем, он рассматривал разведку как взаимодействие двух сторон (субъектов): вашей и вражеской. «Знание человеческих нравов и настроений может быть получено только от других людей» [Цит. по: 4, с. 234].

Разведка – сложный комплекс мероприятий, нацеленный на выявление планов противной стороны, количества ее сил, мест их расположения, инженерных сооружений и т.д. В самом общем виде бывает тактической и стратегической. Первая выявляет ближайшие планы противника, места расположения (дислокации) его войск, направления их перемещений и т.д. Вторая – долгосрочные планы противника, варианты их реализации и т.д. Военной разведкой занимаются специальные структуры, существующие в каждой армии мира (в РФ – ГРУ Генерального штаба ВС РФ). Кроме того, при посольствах стран действует институт военных атташе, которые тоже участвуют в процессе сбора информации об армии страны пребывания и иных вооруженных сил. В угрожаемый (предвоенный) период интенсивность разведывательных мероприятий возрастает. Так, в апреле–мае 1941 г. вермахт занялся активной разведкой на территории приграничных военных округов СССР (особенно Западного и КОВО), а перед самым началом войны туда были отправлены группы диверсантов. Впрочем, несмотря на запреты Генштаба и риск личной ответственности, летом 1941 г. на войсковом уровне разведку будущего противника проводили и отдельные командиры РККА.

Третий способ военного прогнозирования до начала боевых действий – «военная игра». Она может проводиться натурно, на местности, с участием войск, имитирующих боевые действия, но в приближенной к боевой обстановке,

с учетом наиболее вероятных (в том числе выявленных разведкой) действий противника, то есть по некоторому «сценарию». Тогда речь идет о военных маневрах, призванных повысить боевую выучку и слаженность деятельности войск. Такие мероприятия несут не только чисто прогностическо-педагогическую функцию, но и алармистскую, предупреждающую потенциального противника от нападения. В СССР крупными маневрами были Киевские (1935 г.) РККА, Советской Армии («Запад-81» с имитацией применения ядерного оружия, привлечением войск стран Организации Варшавского договора).

Военная игра может протекать и в форме «игры на картах» на уровне штабов. Опять-таки при таком эксперименте стороны делятся на две «команды»: свою и противника, используются известные сведения о сторонах, они проводят маневры и т.д. По сути, она близка к методу имитационного моделирования. Наиболее интересная из таких игр в СССР прошла в конце 1940 г. За «красных» (РККА) оборонялся и контратаковал командующий Западным ОВО Д.Г. Павлов, за «синих» (Германию) – Г.К. Жуков (тогда командующий КОВО). Последний начал одерживать «верх», после чего игра была прекращена, не доведенная до завершения. Однако из прогноза не сделали достаточных выводов. Группировка войск Западного ОВО, ее конфигурация не претерпела изменений, и потерпела поражение летом 1941 г. с прежним командующим. Г.К. Жуков в январе 1941 г. стал начальником Генштаба РККА, но исправить ситуацию, очевидную ему за полгода до трагедии, не смог. Следовательно, «военная игра» – важное средство прогнозирования реальных боевых действий.

Прогнозирование и его формы во время боевых действий. Стоит отметить преемственность средств прогнозирования с предыдущим этапом. Как и до боевых действий, здесь еще более активно используется разведка. Так, в РККА в ходе Великой Отечественной войны она получила новую структуру: войсковая (непосредственно в ведущих боевые действия подразделениях), оперативная (на уровне фронта); стратегическая (осуществляющаяся государственными органами, например, ГРУ ГШ РККА).

В целом прогнозирование осуществляется здесь на ряде уровней. На первом – стратегическом – используются приемы, направленные на непосредственный разгром и принуждение к капитуляции вооруженных сил противника. На втором – «большой стратегии» – эти цели увязываются с политической составляющей любой войны (вооруженного конфликта). Происходит оценка тех или иных средств не только с точки зрения достижения с их помощью военной победы, но и их влияния на послевоенную ситуацию.

Любой бой – столкновение десятков, сотен, а иногда – тысяч и миллионов людей. Отсюда количество неопределенных факторов в нем резко возрастает. Неопределенные факторы можно разделить на три группы: 1) дезорганизация,

вызванная воздействием противника на наши боевые порядки; 2) недостаток информации у командиров разных уровней для принятия решений; 3) отсутствие или минимизация времени, необходимого на их реализацию. Возможно ли нивелировать влияние данных факторов и какие средства прогнозирования должны для этого применяться? Средства прогнозирования тоже можно разделить на три группы. Прогнозирование по: а) соотношению сил; б) величине подразделений;

в) моральной (психологической) устойчивости войск.

«Соотношение сил всегда выступает определяющим фактором способности войск <...> влиять на ход вооруженной борьбы, то есть обладать инициативой <...>» [14, с. 86]. Так, если перед фронтом вашей обороны появились танковые части противника, то можно прогнозировать в скором времени попытку ее прорыва. Поэтому следует найти симметричный ответ: либо усилить свои силы средствами противотанковой обороны, либо перебазируйте сюда собственные танковые подразделения.

Прогнозирование тесно связано и с величиной участвующих в бою единиц. Здесь выявляется следующая зависимость: «Если взять крупное объединение, решающее стратегическую задачу, <...> то в его действиях отклонений от основного направления будет не так много. В действиях подразделений и отдельных воинов таких отклонений (случайностей), вызванных внешними воздействиями, будет больше, но их роль по отношению к стратегическому результату невелика» [14, с. 98]. Следовательно, чем более крупная воинская единица участвует в бою (дивизия, корпус, армия, группа армий), тем сильнее будет предсказуем результат их действий.

Прогнозировать ход и исход боевых действий можно и по моральному (психологическому) настрою (состоянию) войск. Если солдаты хотят сражаться с врагом, прикладывают к этому не только профессиональные навыки, но и силу собственного ума, то можно с меньшими силами решать крупные задачи. Яркий пример – сдерживание состоящим из 300 воинов отрядом спартанского царя Леонида в 480 г. до н.э. многотысячного персидского войска в Фермопильском ущелье. Солдаты Ксеркса столь не хотели идти в бой, что, по свидетельству очевидцев, их «бичами гнали на битву». И хотя спартанцы были в итоге уничтожены, но они продемонстрировали, что прогнозировать исход боя только исходя из соотношения сил сторон недостаточно.

Однако война – не только противостояние двух или более армий. По точному замечанию К. Клаузевица, она есть «продолжение государственной политики иными средствами» [5, с. 27]. Данное обстоятельство требует перехода на качественно иной уровень военного прогнозирования. Так, для полководца, руководящего и непосредственно

участвующего в конкретных сражениях, важно предвидеть способы возможных действий противника, продумать средства их нейтрализации. Политику же, осуществляющему общее руководство войной, требуется качественно иное прогнозирование. Если для первого главной становится стратегия и вытекающая из нее тактика, то для второго, по выражению Б. Лиддел-Гарта, – «большая стратегия». В рамках последней цель войны – не просто разгромить врага, а «добиться лучшего состояния мира, хотя бы только с вашей точки зрения. Поэтому при ведении войны важно постоянно помнить о тех целях, которых вы желаете достигнуть после войны. Эту истину <...> даже в мирное время никогда нельзя забывать» [6, с. 403].

Что же дает «большая стратегия» для прогнозирования боевых действий? Прежде всего – возможность долгосрочной (перспективной) оценки применяемых средств. В этой связи рассмотрим один пример, касающийся бомбардировок промышленных объектов. Так, с точки зрения военачальника они оказывают положительное влияние, ибо снижают оборонный потенциал противника, волю населения вражеской страны к сопротивлению. Однако политику важно учитывать не только это обстоятельство (экономия жизней собственных солдат, материальных ресурсов и так далее в настоящем), но и прогнозы «большой стратегии». А ее выводы прямо противоположны. Здесь наблюдается «<...> исключительно вредное влияние бомбардировок <...> на послевоенную обстановку. Кроме колоссальных разрушений, которые трудно восстановить <...> такого рода действия авиации создают серьезную угрозу сравнительно непрочным основам цивилизации. Эта общая опасность в настоящее время значительно возросла в связи с появлением атомной бомбы» [6, с. 399]. Данное средство разрушает «страну противника», требует значительных средств для ее восстановления после победы.

Таким образом, на стадии ведения боевых действий прогнозирование должно способствовать решению двух задач: 1) найти оптимальные способы разгрома противника; 2) исключить предпосылки возникновения новых вооруженных конфликтов после войны.

Прогнозирование по окончании боевых действий. Важной отраслью военного прогнозирования выступает выявление возможностей, упущенных противниками в ходе произошедших боевых действий.

В настоящее время эта проблема волнует многих ученых. Так, в 1980 г. К. Макси выпускает работу «Вторжение» – о возможностях и последствиях высадки вермахта в 1940 г. в Англии. В 1995 г. под его редакцией вышел посвященный Второй мировой войне сборник статей под названием «Упущенные возможности Гитлера». В 1999 г. под ред. Р. Коули выходит антология на тему «Что, если бы? Альтернативная история», где анализируются противоположные реальным событиям военной истории от античности до XX в. Количество подобных сборников, где анализируются

упущенные в военной истории возможности, постоянно растет в РФ и за рубежом. Так что в альтернативных гипотезах и сценариях альтернативной военной истории в рамках науки [9] и за ее пределами (в художественной литературе, публицистике [8]) нет недостатка.

Однако сложнее оказывается создать корректную с научной точки зрения методологию подобного ретроспективного прогнозирования. Стоит отметить, что решить задачу пытался К. Клаузевиц [10]. Он выделял такие правила подобного анализа: 1) установление «сомнительных» (не имевших и не имеющих место в действительности) фактов; 2) оценка целесообразности применявшихся противниками средств; 3) рассмотрение любого эпизода боевых действий во всей совокупности его реальных и потенциальных причинно-следственных связей [5, с. 155–157]. Средства познания от К. Клаузевица можно дополнить и другими, связанными с синергетикой [11].

Таким образом, цель военно-научного прогнозирования после боевых действий – всесторонне изучить их ход, выявить допущенные сторонами ошибки и просчеты, чтобы не повторять их в будущем, найти упущенные возможности.

Итак, военное прогнозирование проходит в три этапа: до-, во время и после боевых действий. Каждый из них задает специфический уровень анализа, различные средства исследования и решения практических задач. Философия позволяет выделить данные срезы, понять соотношение на каждом теории и практики, увидеть их единство (например, разведка является важным средством прогнозирования как до-, так и во время боевых действий).

Цель военного прогнозирования – оптимальная подготовка, ведение и последующее всестороннее изучение боевых действий, а также – формирование такого послевоенного мироустройства, которое бы препятствовало возникновению новых вооруженных конфликтов. Так же важно отметить, что военное прогнозирование, использование даваемой им информации позволит подготовить политиков, которые могут адекватно применять вооруженные силы для решения государственных задач [7].

Список литературы

1. Антипенко, Н.А. На главном направлении / Н.А. Антипенко. – М.: Наука, 1971. – 390 с.
2. Гаджиев, К.С. О природе конфликтов и войн в современном мире / К.С. Гаджиев // Вопросы философии. – 1997. – № 6. – С. 3–24.
3. Горбатов, А.В. Годы и войны / А.В. Горбатов. – М.: Воениздат, 1980. – 336 с.
4. Джайлс, Л. Сунь-цзы. Искусство войны / Л. Джайсл. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. – 288 с.
5. Клаузевиц, К. О войне / К. Клаузевиц. – М.: Логос, 1997. – 507 с.

6. Лиддел-Гарт, Б. Стратегия не прямых действий: энциклопедия военного искусства / Б. Лиддел-Гарт. – М.: АСТ; СПб.: TERRA FANTASTICA, 1999. – 656 с.
7. Нехамкин, А.Н. Президент для будущей России. Проблема оптимального общественного выбора / А.Н. Нехамкин. – Брянск, ГУП «Брянское областное полиграфическое объединение», 2008. – 527 с.
8. Нехамкин, А.Н. Контрфактическое моделирование прошлого в обыденном познании: уроки для ученого / А.Н. Нехамкин, В.А. Нехамкин // Диалог со временем. – 2018. – № 65. – С. 336–352.
9. Нехамкин, В.А. От альтернативной истории к контрфактическому моделированию / В.А. Нехамкин // Человек. – 2005. – № 6. – С. 56–61.
10. Нехамкин, В.А. Контрфактическое историческое моделирование К. Клаузевица: теоретико-методологический аспект / В.А. Нехамкин // Вопросы философии. – 2006. – № 6. – С. 105–115.
11. Нехамкин, В.А. Синергетика и современное историческое познание: возможности и пределы / В.А. Нехамкин // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2015. – № 7 (40). – С. 11.
12. Покрышкин, А.И. Познать себя в бою. «Сталинские соколы» против асов люфтваффе / А.И. Покрышкин. – М.: Центрполиграф, 2008. – 446 с.
13. Рокоссовский, К.К. Солдатский долг / К.К. Рокоссовский. – М.: Воениздат, 1997. – 479 с.
14. Тюшкевич, С.А. Необходимость и случайность в войне / С.А. Тюшкевич. – М.: Воениздат, 1962. – 136 с.
15. Цзе Сюань. Военный канон в ста главах / Цзе Сюань. – М.: Изд-во Европа, 2011. – 170 с.

FORECASTING IN THE MILITARY SPHERE: A PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

V.A. Nekhamkin*

Bauman Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: nehamkin@rambler.ru

***Abstract:** the paper considers forecasting in the military sphere from a philosophical point of view. There are three levels of such forecasting: before the fighting; during the war; after the war. The forms of manifestation and methods of military forecasting at each level are considered. The interrelation of these levels in theory and practice is shown.*

***Keywords:** war, forecasting, military forecasting, forecasting methods, forecasting levels in the military sphere.*

---

*NEKHAMKIN Valery Arkadevich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy.